

М.В. Панов. Труды по общему языкознанию и русскому языку. М.: Языки славянской культуры. Т. 1. 2004. 562 с.; Т. 2. 2007. 842 с.

В 2007 г. завершено издание двухтомника избранных трудов выдающегося отечественного лингвиста Михаила Викторовича Панова (1920–2001). В двух объемистых томах собрана значительная часть наследия ученого, не включены, правда, монографии (иногда, впрочем, вошедшие в издание во фрагментах: из книги 1967 г. «Русская фонетика» помещена историографическая часть). Зато собрано вместе большое количество статей и разделов в коллективных монографиях, разбросанных по разным изданиям и зачастую представляющих собой библиографическую редкость. Например, проспект коллективной монографии «Русский язык и советское общество» (не во всех пунктах покрываемый позже изданной серией монографий) публиковался в 1962 г. в Алма-Ате. Собранные вместе, они дают хорошее представление о творческом пути Михаила Викторовича, начиная с выступления в дискуссии о фонеме в «Известиях АН СССР» в 1953 г. и кончая отзывом о работах Е.А. Брызгуновой по русской интонации, написанным менее чем за месяц до кончины, в октябре 2001 г.

В предисловии к первому тому (с. 8–13, далее в ссылках на издание через двоеточие даются номер тома и страницы) Е.А. Земская и С.М. Кузьмина перечисляют области науки, которым занимался Панов. Это русская фонетика, типология фонетических систем, фоно-

логия, теория письма, проблема слова и членности на слова, теория частей речи, социолингвистика, упомянута и деятельность по популяризации науки о языке. Этот список можно было бы расширить, включив сюда теорию парадигматических и синтагматических отношений в языке, стилистику, поэтику, методику преподавания русского языка, историю отечественной лингвистики и многое другое. И каждая область отражена в издании.

За полвека научной деятельности Панов занимался всего одним языком, пусть столь важным для нас, как русский (преимущественно современным, но также и языком XVIII–XIX вв.). Ссылки на материал других языков у него нечасты. И в то же время он постоянно выходил за рамки русистики, ставя проблемы «языка вообще», развивая лингвистическую теорию. Такое сочетание интересов может заключать в себе определенную опасность, о которой сам Панов упоминал в связи с деятельностью выдающегося ученого К.С. Аксакова: Аксаков «говорил о человеческой звуковой стихии вообще, *не* обязательно русской, но мысль его в действительности была прикована к фактам русского языка»; по мнению Панова, в его построениях следует «видеть теорию русского языка, а не любого и каждого (как хотелось бы самому Аксакову)» (2: 659). Однако во времена Аксакова общей фонетической теории еще не существовало, а Михаил Викторо-

вич во всей своей деятельности опирался на разработанную теорию языка Московской школы, которую он развивал и совершенствовал. Поэтому многие его идеи имеют общелингвистическое значение.

М.В. Панов получил образование в Московском городском педагогическом институте в предвоенные и послевоенные годы (с перерывом на фронт), когда кафедра русского языка этого института во главе с Р.И. Аванесовым была центром Московской школы. И ученый на всю жизнь сохранил верность заветам своих учителей Р.И. Аванесова, А.А. Реформатского, В.Н. Сидорова, А.М. Сухотина (большинству из них он посвятил специальные статьи, включенные во второй том издания). Их идеи он рассматривал как этап развития Московской лингвистической школы (МЛШ), еще в конце XIX в. основанной Ф.Ф. Фортунатовым, о чем он специально писал в статье 1995 г. «Московская лингвистическая школа: 100 лет» (2: 615–646). По словам Панова, «МЛШ, фортунатовцы, ищут закономерности, характерные для языка как для особой, специфической системы знаков; они ищут то, что определено типами связей в данном языке и специфично для него. Ищут, – минуя случайные (хотя бы и «наглядные») сходства единиц» (2: 620). И он (как и другие ученые Московской школы, например, П.С. Кузнецов в лекциях для студентов МГУ) считал третьим создателем новой науки о языке XX в., наряду с И.А. Бодуэном де Куртенэ и Ф. де Соссюром, и Фортунатова, хотя тот по сравнению с Бодуэном и тем более Соссюром значительно менее известен за пределами России.

Черты этой новой и передовой в течение нескольких десятилетий науки проявляются во многих публикациях Михаила Викторовича разных лет. Одна из них – требование строго разграничивать синхронию и диахронию: «Подменять языковые отношения одной эпохи отношениями другой эпохи – это исследовательский произвол. Смещение синхронии и диахронии ведет неизбежно к субъективизму в оценке фактов» (2: 271). Но, как и другие москвичи (и пражцы), Панов много занимался и диахронией, считая, как и все они, что системные отношения проявляются и здесь. Здесь Московская школа опиралась на идеи И.А. Бодуэна де Куртенэ и Ф.Ф. Фортунатова, расходясь с Ф. де Соссюром. Любопытно сопоставление Бодуэна и Н.В. Крушевского: по мнению Панова, Бодуэн в их споре был прав, поскольку понимал синхронию (статику, в его терминах) как состояние языка, чему оказался чужд Крушевский, придававший фонетическим закономерностям «панхронический, вневременной характер» (2: 664). Лучший пример

диахронического подхода Михаила Викторовича – целая серия его работ, посвященных фонологии и фонетике современного русского языка. Здесь он не столько рассматривал синхронную систему фонем русского литературного языка XX в. как таковую (она в основных своих чертах была установлена еще поколением его учителей), сколько выявлял тенденции ее развития. Одно из самых известных его достижений – формулировка и распространение на XX век закона, замеченного за столетие до него И.А. Бодуэном де Куртенэ: в русском языке количество гласных различителей уменьшается, а количество согласных различителей увеличивается (1: 256 и др.). Панов на большом языковом материале показал, как действовал этот закон в течение уже нескольких столетий, как он проявляется в наше время и чего можно ожидать в будущем.

Другая черта того же подхода к языку – постоянное требование разграничивать парадигматические и синтагматические отношения. Парадигматике и синтагматике посвящена специальная статья (1: 17–29), а во многих других публикациях Пановым развивалась оригинальная идея построения двух дополняющих друг друга фонологических и грамматических теорий: парадигматической и синтагматической. В частности, недостатком пражской фонологии ученый считал сосредоточенность на синтагматике в ущерб парадигматике (2: 701).

И еще одна черта из того же ряда – стремление использовать аналогичные или сходные методы для описания различных языковых ярусов, прежде всего, фонологического и морфологического, а иногда также и лексического (синтаксисом Панов занимался относительно мало, что вообще было свойственно Московской школе). Например, в его трудах мы видим примеры применения в грамматике понятия нейтрализации (1: 41–50) или попытку рассмотрения изменений грамматических и лексических значений в зависимости от позиции на основе выработанных в фонологии критериев (1: 36–40). Как известно, в годы, когда Панов формировался как лингвист, принцип изоморфизма и параллелизма разных ярусов языка пользовался большой популярностью. Целый раздел (2: 387–584) посвящен работам ученого по поэтике, рассмотрение которых выходит за рамки нашей рецензии (тем более что им в томе посвящена специальная статья литературоведа Вл. Новикова (2: 9–14)). Но хочется в них отметить одно: и здесь Михаил Викторович постоянно ищет параллели между звуковой и словесной организацией стиха.

Все перечисленные черты научного подхода Панова объединяют его не только с его учителями, но и с различными (хотя не всегда со

всеми) направлениями лингвистического структурализма. При этом он, как и его учителя, кажется, никогда не называл себя структуралистом. Более того, в одном месте, причем уже в 1995 г., он прямо противопоставляет «структурализм» и «московскую фонологию» (2: 646). Однако давно уже признано, что структурализм – это не какое-то отдельное направление, а целый этап в развитии мировой лингвистики; его представители, расходясь в ряде пунктов, придерживались важных общих принципов, некоторые из которых перечислены выше. И процитированные нами слова Панова о принципах, на которых основана Московская школа, – типично структуралистские. Верность всему этому ученый сохранил до конца, даже тогда, когда на смену структурализму стали приходить иные направления в науке, показывая примером своих работ, что структурную парадигму в языкознании нельзя считать исчерпанной.

Остановимся еще на некоторых проблемах, специально рассматривавшихся М.В. Пановым (конечно, общее количество затронутых им вопросов очень велико, и наш отбор неизбежно субъективен). Одна из них – проблема слова, как известно, плохо решаемая в теоретическом плане, но неустранимая из лингвистики. Этой проблеме ученый посвятил одну из самых ранних статей 1956 г. (1: 51–87), не потерявшую ценности и сейчас, а затем возвращался к ней в разных аспектах, в том числе и в прикладном: вопрос о слитном и раздельном написании (1: 538–553). В статье 1956 г. совсем молодой языковед удачно спорил с основными авторитетами того времени, в том числе с уже покойным А.И. Смирницким, отстаивая идею о том, что «идиоматичность слова – закон, а неидиоматичность – отступление» (1: 73). Но, пожалуй, самое интересное в статье – констатация общей ситуации, при которой все разнообразные определения «улавливают отдельные, обычно не самые существенные признаки слова», тогда как «у всех у нас есть уже сложившееся практически представление о слове и все наши теории приходится сверять с этим общепринятым и устойчивым представлением» (1: 52). То есть слово – не есть собственно единица языка, это «наше устойчивое представление», по сути элемент психики (хотя прямо апеллировать к ней борющаяся с психологизмом Московская школа избегала).

С проблемой слова тесно связана проблема частей речи, также привлекавшая ученого. Он стремился выделить строгие критерии для их разграничения, на основе которых обнаружил особую, ранее не выделявшуюся часть речи русского языка – аналитическое прилагательное, куда им были отнесены неизменяемые

слова, способные быть только определениями (то есть одновременно действуют морфологические и синтаксические критерии). Аналитическим прилагательным посвящена специальная статья (1: 137–150), но о них он писал и в ряде других работ. Вопрос об аналитических прилагательных, количество которых в русском языке растет, интересовал Панова и в теоретическом плане: как одно из отражений тенденции к росту аналитизма в этом языке. Об этом росте у него собрано немало свидетельств вплоть до такого достаточно неожиданного. В не переиздававшейся с 20-х гг. работе В.И. Ленина 1922 г. Панов нашел фразу: «Русский язык прогрессирует в сторону английского: -нэпо, -ком, -проф, -сов, -рабкооп» (1: 162).

Изучение тенденций в развитии русского языка последних столетий привело ученого к теоретической проблеме причин изменений в языке. Эта проблема, игнорировавшаяся позитивистской лингвистикой второй половины XIX в., была поставлена И.А. Бодуэном де Куртенэ, а затем изучалась его учеником Е.Д. Поливановым. Отметим большой интерес Панова к трудам Поливанова, которые он активно использовал еще в 1956 г., то есть до реабилитации их автора (1: 59–60); позже он напишет: «Поливанов – русист еще ждет своего открывателя» (2: 677). Изучали этот вопрос и на Западе (Ш. Балли, позже А. Мартине). Но во второй половине XX в. везде стал замечен спад интереса к этой проблематике, а Московская школа всегда занималась ей меньше, чем школа Бодуэна. И в течение нескольких десятилетий Михаил Викторович, по крайней мере, у нас, разрабатывал ее более всех.

Панов скептически отнесся к выделявшемуся его предшественниками принципу экономии как ведущей силе языковых изменений, указывая на его неясность (1: 440–443). Он вместо этого, отталкиваясь от известного закона диалектики, писал: «В языке существует качественно своеобразная борьба противоположностей, которая и определяет его саморазвитие. Эти противоположности можно назвать языковыми антиномиями, так как каждое конкретное разрешение любой из этих противоположностей порождает новые столкновения, новые противоречия в языке... и, следовательно, их окончательное разрешение невозможно: они – постоянный стимул внутреннего развития языка» (2: 17). Им выделены антиномии говорящего и слушающего, узуса и возможностей языковой системы, кода и текста, информационной и экспрессивной функций языка (2: 17–22). На основе этих теоретических принципов коллектив, возглавлявшийся Пановым, в

60-е гг. провел масштабное исследование русского литературного языка того времени.

Исходя из приоритета внутренних причин языковых изменений, Михаил Викторович учитывал и внешние причины, роль которых возрастает в периоды перемен, как это было с русским языком в 20–30-е гг. XX века. Например, на русское литературное произношение в те или иные эпохи влияло множество социальных факторов. Это воздействие диалектов в связи с массовым перемещением населения из деревни в город, влияние городского просторечия, произносительные различия между Москвой и Петербургом (Ленинградом), воздействием других языков России и европейских языков, семейные традиции, школа, театр, радио, а затем телевидение, письменность, работа лингвистов, уровень культуры населения, престиж тех или иных социальных групп (1: 458–459). Роль этих факторов может меняться: так, в распространении русского литературного языка после Октября понизилось значение семейных традиций, но возросла роль книги (2: 46). Отметим, что Панов постоянно предостерегал против распространенного смещения литературного языка с языком художественной литературы, указывая, что это – язык культуры в самых различных проявлениях (1: 88–89).

Вопрос о развитии литературного языка тесно связан с вопросом о норме, который разрабатывался Пановым и в теоретическом, и в практическом плане. Он разграничивал норму – запрет, преобладавшую для русского языка в 30–60-е гг., и норму – выбор, которая «советует взять из языка наиболее пригодное в данном контексте»; именно в этом направлении изменяется, по мнению ученого, с 70-х гг. русская норма (2: 84).

М.В. Панов не только писал о норме, но и принимал участие в ее совершенствовании. Он стал ведущим участником разработки новой орфографии, проект которой был опубликован в 1964 г. и публично обсуждался, но так и не реализовался; публикации, связанные с проектом, также включены в издание (1: 522–562). Из них хорошо видно, что предложения Панова и его соратников были хорошо продуманы и аргументированы лингвистически, но недостаточно учитывали консерватизм людей, уже овладевших орфографией и не желающих переучиваться. Наряду с орфографией, Михаил Викторович много занимался вопросами орфоэпии, отмечая, что, к сожалению, в школе для серьезных занятий орфоэпией не хватает времени (2: 325).

Вопрос о норме связан и с вопросом о стилях и речевых жанрах, который также был важен для Панова. Отметим, в частности, его

требование разграничивать два разных противопоставления, которые традиционно смешиваются, когда «разговорное отождествляют с устным» (2: 151). Он писал в 1962 г.: «Разговорный стиль чаще всего воплощается в устной речи (хотя не только в ней), а книжный – в письменной речи (однако не всегда именно в ней)» (2: 151). А под пером многих авторов «чаще всего» превращается в «всегда». Это несовпадение менее было заметно в русском языке тех лет (хотя, например, инициалы – типичная особенность письменной речи, нейтральная к противопоставлению «разговорный – книжный»), но гораздо существеннее, например, в языках с иероглифической письменностью. В последнее же время несовпадение стало гораздо ощутимее и в русском языке: распространение Интернета, SMS-сообщений и пр. привело к бурному развитию разговорной, но письменной речи.

Панов рассматривал и развитие функциональных стилей русского литературного языка XX в. Он показывал, как выходящее за разумные рамки стилевое многообразие и «языковая смута» 20-х гг. (2: 45) сменились в 30-е гг. «укреплением среднего стиля» (2: 45). В этом имелась положительная сторона: была выиграна борьба за «строгую нормативность» (2: 44). Однако этот же процесс привел к «стилистической диете» (2: 63) и распространению болезни, которую Панов вслед за К. Чуковским называл «канцеляритом». Но отмечено и то, что с 50-х гг. стилистическое разнообразие вновь стало увеличиваться (2: 46), а, в частности, в языке прессы уже к концу 70-х гг. увеличилась «многокрасочность», а канцелярит стал отступать (2: 63). Эта точка зрения отличается от привычных для нас в последнее время однозначных оценок и упрощенного рассмотрения всей «эпохи тоталитаризма» как единого целого, в том числе и в языковой области.

Последняя проблематика двухтомника, на которой хочется остановиться, – история русского языкознания, публикации в этой области выделены в обширный раздел (2: 587–822). Панов, занимавшийся лишь одним языком, и здесь сосредоточен почти исключительно на отечественной науке (хотя в его историческом очерке изучения русской фонетики учтены и работы западных русистов). Но анализ русской и советской науки очень детален и содержателен. В его наследии есть и проблемные историографические очерки, и персоналии отдельных лингвистов. Наряду с широко известными авторами в поле его зрения попадали и забытые, часто незаслуженно, ученые. Отметим, например, статью о А.А. Барсове (2: 587–600), чью неизданную грамматику он оценивал как одну из трех вершин (наряду с трудами

В.К. Тредиаковского и М.В. Ломоносова) русской филологии XVIII в., или оценку совсем уж забытой книги С.П. Барана (1844) как «первой систематической фонетики русского языка, полной верных и глубоких наблюдений» (2: 657).

Но более всего ученого интересовали не отдельные люди, а проблемы. Его историографические работы менее всего похожи на многие сочинения такого жанра, где перечисляются авторы и темы их публикаций, всем дается равно высокая оценка и все оказываются на одно лицо. Панов не скрывает своих пристрастий, поверяя взгляды каждого из своих «героев» взглядами Московской школы. Он не боится резких высказываний о признанных классиках науки, например, о Н.В. Крушевском (о чем сказано выше), А.А. Шахматове (как лингвист был уже архаичен на фоне передовой науки своего времени) или Л.В. Щербе (ушел от фонологии к традиционной фонетике). Любопытна такая его оценка Щербы: «одновременно отстаивал определенную фонологическую схему и сам постоянно против нее бунтовал» (2: 676). И в то же время он отдаст должное каждому из них. А если у какого-то ученого можно увидеть предвосхищение идей Московской школы, то Панов будет это подчеркивать. В частности, он пересмотрел традиционно невысокие оценки В.К. Тредиаковского, которого не только как поэта, но и как лингвиста принято ставить ниже М.В. Ломоносова. Панов показал, как этот самородок во многих отношениях не только превосходил своего гениального младшего современника, но и далеко опередил свое время. По его мнению, «первый шаг в сторону фонологии сделал замечательный В.К. Тредиаковский», после чего ничего нового здесь не появлялось вплоть до И.А. Бодуэна де Куртенэ (2: 725).

Панову принадлежат и статьи (часть из них – в соавторстве) о деятельности крупных отечественных ученых XX в., в основном принадлежавших к Московской школе: Д.Н. Ушакове, Н.Н. Дурново, Н.Ф. Яковлеве, А.А. Реформатском, Р.И. Аванесове и др. В основном это проблемные статьи, где говорится, прежде всего, об их научном вкладе. Особо надо отметить теплые и добрые воспоминания об одном из учителей Панова – Алексее Михайловиче Сухотине (2: 776–788). Он мало опубликовал (если не считать замечательных переводов

лингвистической литературы), но сыграл значительную роль в формировании взглядов Московской школы и оставил по себе хорошую память в сердцах учеников, увековеченную Михаилом Викторовичем. Жаль, что такой жанр представлен в двухтомнике единственной статьей, хотя можно было бы включить в него столь же интересные воспоминания о другом учителе – В.Н. Сидорове, недавно опубликованные [Панов 2004].

В двухтомник включен список трудов М.В. Панова (2: 823–836). Издание хорошо подготовлено, хотя не исправлены, а иногда добавлены некоторые досадные опечатки и мелкие неточности, например, в инициалах и датах. А.В. Чичерин вместо Г.В. Чичерина (2: 45), А.И. Селищев вместо А.М. Селищев (2: 167), неточна дата смерти В.В. Виноградова (2: 739), а дата рождения Н.Ф. Яковлева, правильно указанная в самой статье о нем, почему-то искажена в оглавлении (2: 6). Можно пожалеть и об отсутствии в издании указателей, хотя бы именного.

Подводя итоги, можно сказать, что впервые наследие крупнейшего ученого представлено достаточно полно. Многие лингвисты, и не только русисты будут обращаться к двухтомнику по самым разным поводам. Недавно одна из центральных газет написала о «великом лингвисте Михаиле Викторовиче Платонове» [НГ 2007]; речь, разумеется, идет о Панове. Уровень культуры современной российской прессы не требует комментариев, но оценка знаменательна. Панов, безусловно, принадлежал к числу крупнейших отечественных языковедов XX в., его трудам суждена долгая жизнь, а рецензированное издание исключительно важно для знакомства с ними.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Панов 2004 – М.В. Панов. Воспоминания о В.Н. Сидорове // Отцы и дети Московской лингвистической школы. Памяти Владимира Николаевича Сидорова. М., 2004.
НГ 2007 – Независимая газета, 19 июля 2007 (интервью с Ольгой Новиковой).